
Досуг московских студентов (конец XIX — начало XX вв.)

Магидович А. С.

В статье предпринята попытка на примере Москвы рассмотреть основные формы досуга российского студенчества в конце XIX — начале XX столетия, а также выяснить, какие из них и почему оказывались приоритетными, и как они влияли на характер и сознание студентов.

Ключевые слова: Москва, студенчество, досуг, конец XIX — начало XX вв.

Author attempted to consider main forms of Russian studentship leisure at the end of XIX century — at the beginning of XX century by the example of Moscow. He found out ones with highest priority and took into consideration specifics and influence of leisure on students' consciousness and character.

Keywords: Moscow, studentship, leisure, end of XIX century — beginning of XX century

Досуг молодых людей играет в их жизни более значительную роль, чем у взрослых, а формы досуговой деятельности молодежи зачастую выглядят разнообразнее и в большей мере выражают ее социально-психологические особенности и склад характера. Не случайно Б. Паскаль писал: «Мы поймем смысл всех людских занятий, если вникнем в суть развлечения» [13. С. 140].

Эту же мысль можно развить и в более широком социокультурном контексте: изучая досуговые формы, мы изучаем характер человека, а также специфический социально-психологический тип личности в наиболее яркие моменты его жизни. Ни в какой другой сфере человек не проявляется с такой яркостью, как в сфере

досуга, где границы реального и идеального нарушаются и личность предстает не только такой, какой ее сформировала необходимость, но и такой, какой бы она хотела сама себя видеть, какой она могла бы стать при других обстоятельствах развития жизни. В этом смысле в какой-то степени можно утверждать, что личность проявляется полностью лишь в мире досуга. Именно в такие мгновения становится понятной ее сущность [8. С. 30].

Молодежный досуг имеет свои особенности и существенно отличается от досуга иных социальных групп. Данные отличия складываются в силу специфических духовных и физических потребностей молодежи и присущих ей и социальных, и психологических особенностей. Молодежь, как правило, более склонна к досугу, захватывающему психику целиком, а также дающему постоянные притоки эмоций и новых ощущений. С другой стороны, молодежь с трудом приспосабливается к деятельности однообразной, специализированной.

Студенчество — наиболее социально активная (во всех отношениях и проявлениях) часть молодежи. Однако учитывая, что по численности студенчество изучаемого периода — это достаточно небольшая социальная группа, то корпоративность во многом предопределяла его отношение не только к вопросам общественного устройства или системе высшего образования, но и собственному быту, поведению и, конечно же, досугу.

Бесспорно, разнообразие студенческих развлечений определялось также и степенью вовлеченности в учебный процесс, и, конечно же, уровнем материального благосостояния.

У тех студентов, для кого будущая карьера была первостепенной целью, досуг, как правило, ограничивался, помимо чтения, нечастым посещением театров и выставок. На другое просто не хватало времени, а порой и средств [4. С. 266]. Но большая часть молодежи стремилась, тем не менее, получить все удовольствия, предоставляемые тем социальным положением и той социальной средой, в которой они оказались, став студентами.

Изучая особенности молодежного (более точно — студенческого) досуга в конце XIX — начале XX веков, необходимо подразделять студенчество на столичное и иногороднее. Для первого учеба в высшем учебном заведении не сказывалась коренным образом на досуге (который сложился в гимназические годы), пожалуй, лишь несколько расширялся круг друзей и знакомых. Труднее всего с досугом приходилось иногородней молодежи, которую «брала тоска» [1. С. 230].

Так, П.Г. Смидович найти свое место в университетской среде Москвы смог не сразу. В письме сестре Инне он писал о своем разочаровании: «Не могу я объяснить теперешнего студента: занимается он добросовестно,.. способен на доброе, но начни с ним говорить о принципах, он покраснеет и отвернется. Сомневаюсь, чтобы он стал делать, чтобы он молчал из нежелания громко говорить, — у него на самом деле нет принципов». Инна в 1892 г. училась в столице на Рождественских курсах и тоже досадовала, что студенческие встречи ограничиваются танцами и вечеринками: «Редко, если завяжется какой-нибудь общий разговор». Другую сестру, учившуюся в Москве, Ольгу, как и Петра, раздражали студенты — «прожигатели и балбесы», барышни, у которых только «костюмы, подвивки, разговоры о кавалерах в полной силе» [15. С. 17–18].

Конечно, все изменялось со временем, появлялся круг друзей со сходными интересами, появлялось время на посещение театров и выставок, и свободное время приобретало иной характер. Самым доступным повседневным развлечением для многих студентов станови-

лось посещение студенческой столовой, нередко превращавшейся в своеобразный клуб. Так, в столовых Московского университета студенты имели возможность не только качественно питаться, но и встречаться с друзьями, читать газеты и журналы (которые бесплатно передавались издательствами и редакциями), играть в шахматы и даже петь [10. С. 11]. Некоторые студенты проводили в столовых половину дня, считая, что лучше студенческая столовая, чем скучная лекция.

Московские студенты Ольга и Петр Смидовичи на каникулах в усадьбе родителей под Тулой [15]

Еще одним популярным в студенческой среде Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова и Киева для каждодневных встреч местом оставалась так называемая «курительная». В ней проходили не только споры об острейших про-

блемах университета (или российского общества вообще) или чтение литературных новинок, но и заседания студенческих судов, а также разрабатывались планы противостояния вузовской администрации, обсуждались требования к последней. «Курительная» комната, таким образом, превращалась в настоящий клуб, где можно было приятно провести время.

Начало XX века ознаменовалось проникновением в студенческую среду идей здорового отдыха — увлечение спортом. В конце 1913 г. студенческие спортивные ассоциации действовали в 40 высших учебных заведениях России, их участники проводили досуг, занимаясь атлетикой, футболом, фехтованием, велосипедом, водными видами спорта, коньками и проч. Но студенческий спорт все же охватывал незначительную часть учащейся молодежи. В этот круг входила в основном состоятельная молодежь, не обремененная заботой о хлебе насущном и имевшая средства на приобретение соответствующей экипировки. Однако несмотря на все трудности (материального рода), количество студентов, занимавшихся спортом и физкультурой, неуклонно повышалось. И лишь начало Первой мировой войны прервало этот процесс.

Студенты считали себя еще и завсегдаемыми клубов. Клуб привлекал скорее не наличием в нем библиотеки и читальной комнаты, а тем, что его члены получали возможность выиграть в карты или на бильярде, что давало возможность пополнить скудный студенческий бюджет. Существовала, правда, опасность стать жертвой профессионального каталы, но страсть к «легким деньгам» побеждала. Согласно опросам 1909 г., 37% студентов московских вузов (из почти тысячи респондентов) «не избегали карточной игры» [6. С. 180]. В клубе можно было также и отужинать, и выпить относительно недорого вина, пообщаться со студентами иных вузов.

На общем фоне студенческой массы выделялась студенческая аристократия, которая учебе уделяла совсем не много внимания, предпочитая весело проводить время. Как вспо-

минал один из ее представителей, «мы жили вольной, беззаботной и в достаточной мере праздной жизнью: в университет собирались к 11, 12 часам, чтобы послушать хоть одну лекцию и, главным образом, чтобы условиться с товарищами о дальнейшем времяпрепровождении. Мы ездили друг к другу в гости, завтракали то у одного, то у другого, много разъезжали по балам, часто посещали воскресные балетные спектакли в Мариинском театре. После театра ехали ужинать. Нашим любимым развлечением было, однако, цыганское пение» [1. С. 197–198].

Основная масса малообеспеченного студенчества в свободное от учебы (и работы ради дополнительного заработка время), помимо чтения, театров и выставок все же не чужда была и товарищеского застолья с употреблением спиртных напитков — в основном водки и пива, поскольку они были очень дешевыми в сравнении с винами, коньяком или шампанским. Эти встречи можно рассматривать и как своеобразную психологическую компенсацию за отчуждение от родительского дома, за повседневные тяготы неустроенного студенческого быта. И поводы к подобному времяпрепровождению находились достаточно легко — день рождения, сдача экзамена, Пасха и проч. [5. С. 182].

Эти встречи могли происходить и на съемных квартирах, и в излюбленных студентами дешевых чайных, пивных, кофейнях, ресторанах (многие из которых называли не иначе как «питомники студенческого алкоголизма») [8. С. 274]. Собираясь на съемных квартирах, студенты в складчину закупали горячительные напитки и самую дешевую закуску. «Главным блюдом» этих посиделок оставалось общение, споры, совместное пение.

Во время зимних и летних каникул (вакаций) студент мог вернуться домой и пожить в родительском доме, общаясь со «старыми» гимназическими друзьями и родственниками, родными и близкими, совершать загородные прогулки или даже отправляться в дальние странствования по излюбленному студентами

Летний отдых в родительской усадьбе. 1910-е гг. [15]

маршруту Волга — Кавказ — Крым, чередуя средства передвижения — пароход, поезд, конную повозку или пешком с проводником.

Но сами популярными в студенческой среде оставались вечеринки — самые доступные виды коллективного досуга студентов высших учебных заведений в конце XIX — начале XX столетий. Они, как правило, проводились в вечернее время, отсюда и само название. Организаторами вечеринок выступали в основном землячества, которые до 1907 г. были запрещены, но действовали полулегально, так как вузовское начальство знало об их существовании, но не предпринимало каких-либо репрессивных мер, рассматривая их как на неизбежную данность студенческого общества.

Полулегальными до 1907 г. были и земляческие вечеринки. Они созывались тем чаще, чем больше в конкретном учебном заведении было землячеств. Так, в Московском университете в 1912 г. насчитывали 150 землячеств; для сравнения — в Петербургском университете действовало 62 землячества, объединявшие 1581 человека или 16% учащихся [7. С. 44, 72].

Земляческие вечеринки были популярны как в среде столичного, так и провинциального студенчества, для которого бал или вечеринка расценивались не только как обычное развлечение, но и как событие. До 1907 г. земляческие вечеринки проводились как вольные собрания без каких бы то ни было официальных регламентаций, с соблюдением определенной конспиративности, а потому вечеринки в начале XX столетия представляли собой встречи студентов, придерживающихся различных политических взглядов и стремящихся в ходе горячего спора доказать свою правоту.

П.Г. Смидович с благодарностью вспоминал годы учения в Московском университете. Здесь были сосредоточены крупные научные силы, действовали прочные

академические традиции, позволявшие давать студентам фундаментальную подготовку. «Естественный факультет в то время был хорошо обставлен. Пусть одни профессора затхло генеральствовали и потешали нас своею однобокою глупостью (Богданов — зоология, Зернов — анатомия, Сабанеев — химия, Горожанкин — ботаника), пусть другие являлись прямо неприличными фигурами (Тихомиров, сделавший потом карьеру по Министерству народного просвещения, Зоограф — со своими порнографическими экскурсами из жизни насекомых или Мороховец — физиология), но дело свое каждый из них знал. Курсы же Мензбира или Столетова — прямо захватывали, физиология растений — Тимирязев и физиология человека — Сеченов — заполняли внимание целиком». Выдающийся физиолог И.М. Сеченов был одним из самых любимых и чтимых наставников студентов не только в профессиональном, но и в нравственном отношении. «Как стыдился и сердился он, когда получал письма с «его превосходительством». Как товарищески и просто относился к студен-

там, как честно вел предмет свой и занятия, какую массу сил уже глубоким стариком клал он в любимое дело, старательно вникая во всякую потребность», — вспоминал Смидович.

Между тем студенческая среда Москвы была в большинстве своем «настроена революционно в самом широком и туманном смысле слова». Наряду с землячествами, которыми руководил Совет объединения землячеств, и судебной комиссией собирались нелегальные кружки, где главной темой бесконечных споров были расхождения между народниками и марксистами, история революционных движений. На вечеринках с рефератами и дебатами выступали профессора — П.Н. Милуков, Н.Г. Гамбаров, Н.И. Кареев, выделялись студенты В.М. Чернов, А.И. Шингарев, Е.В. Тесленко [15. С. 18].

После легализации в 1907 г. землячеств были официально разрешены и организуемые последними вечеринки, которые проводились согласно определенным правилам: устроители вечеринок были обязаны обращаться с прошением к ректору, тот — через попечителя учебного округа обращался к градоначальнику. И только последний мог санкционировать вечеринку. Студенты о проведении вечеринки оповещались специальным объявлением.

Вечеринкам был придан статус чисто развлекательного мероприятия, но с благотворительным акцентом. Контроль за политической «безопасностью» вечеринки и благонадежностью людей, ее посещающих, возлагался на полицию. Полиции подлежало цензурировать даже программу вечеринок, и то, что представлялось неблагонамеренным, безжалостно запрещалось. Досуг проходил в присутствии чинов полиции: у дома, где собирались студенты, дежурил городской, в прихожей находился околоточный надзиратель. И городской, и надзиратель, казалось, несли свои обязанности с неохотой, но это была лишь видимость: полиция была осведомлена обо всем, что происходило на вечеринках. Другой вопрос в том, что власти не всегда спешили вмешиваться в ход вечеринок и пресекать нарушение правил.

Как мы уже отмечали выше, вечеринки преследовали не только развлекательно-досуговые, но и благотворительные цели — в пользу нуждающихся студентов. Каким же образом складывалась материальная помощь?

Источником денежных поступлений был буфет. В импровизированной буфетной комнате, именуемой «мертвецкой» (на дверях ее висел плакат с изображением черепа и перекрещенных костей), участникам вечеринки предлагались спиртные напитки (с наценкой): водка (за четверть стакана — пять копеек, половина стакана — гривенник, три четверти стакана — пятиалтынный); пиво (бутылка, стоившая восемь копеек, продавалась за пятнадцать), а также сельтерская вода.

Плата за выпитое и сдача с нее осуществлялись посредством двух глубоких тарелок, выполнявших роль «касс», с мелкой серебряной и мелкой медной монетой, стоявших рядом со студентами-«буфетчиками». Зачастую устроители вечеринок полагались на честность студентов, и «касса» переводилась на «самообслуживание». Закуски предлагались бесплатно: нарезанное мясо, соленые огурцы, бутерброды. Не забывали и о сервировке — стаканы и вилки.

В итоге «от устройства их [вечеринок — А. М.] касса получала некоторые доходы. Правда, со временем они становились все менее обильными, и нередко дело кончалось тем, что расход равнялся доходу» [12. С. 68–69]. Студенты, как правило, оказывались плохими коммерсантами. И даже при выручке некоторой денежной суммы, большая часть из нее поглощалась выплатами за наем помещения, услуги оркестрантов, тратами на покупку спиртных напитков, съестных припасов. Только остаток выручки, не очень значительный, шел на благотворительность.

Доходность вечеринок зависела от числа участвовавших в них. Для этого приходилось рекламировать каждую вечеринку: до легализации землячеств — в устной форме, после 1907 г. — официальными объявлениями, вывешиваемыми в помещениях учебных заведе-

ний. Заблаговременная информация о каждой из вечеринок предназначалась и тем, кто очень нуждался в них — студентам-первокурсникам [9. С. 21].

Вечеринки во многом способствовали более быстрому и менее болезненному вращению первокурсников в студенческую корпорацию, давали им возможность взглянуть на студенческое сообщество не только через аудиторию, а и как бы изнутри. Студенческие вечеринки напоминали клубные собрания, проводимые по традиционно установленному ритуалу: концерт, танцы, хоровое пение и скрытая за увеселениями неофициальная часть — в виде обсуждения реферата или дискуссий по поводу той или иной книги или статьи, имевшей общественный резонанс.

Вечеринки студентов проходили только в специально нанятых помещениях, достаточно вместительных, с танцевальной залой, с отдельной комнатой для буфета. В учебных заведениях вечеринки категорически запрещались. Исключение делалось для негосударственных учебных заведений, например, для высших женских курсов, но — с согласия администрации. Однако на женские вечеринки не допускались посторонние гости мужского пола (запрет администрации). Поэтому и программа таких вечеринок была однотипной: концерт, чаепитие, танцы [3. С. 47]. Любая из них начиналась традиционным студенческим концертом, как правило, с участием студенческого хора, т.к. услуги профессиональных артистов были слишком дороги. Публика была снисходительна к «профессионализму» выступавших, но было и резко критиковала самодеятельность [9. С. 23–25; 12. С. 47].

Если до 1907 г. главным «гвоздем» программы студенческой вечеринки были чтение и обсуждение доклада или реферата на злободневную тему дня, то после легализации и землячества, и вечеринок, присутствие на последних полиции сделало практически невозможным политические дискуссии. Если споры на политические темы все же и вспыхивали, то исключительно в буфетной комнате, превращавшейся

в настоящий политический клуб. В эту («мертвецкую») комнату по установившемуся негласному обычаю полиция не входила. А споры в «мертвецкой» еще и «подогревались» спиртными напитками [11. С. 210].

Когда же политический задор поутих, «мертвецкая» превращалась в хоровую: «пение, особенное хоровое, было неотъемлемым атрибутом в моменты общего подъема... студенчества» [11. С. 211]. Пели, правда, в таких случаях что-нибудь протестное: «Дубинушку», «Вы жертвою пали...». И пели демонстративно, во весь голос. Полиция, несмотря на явный политический эпатаж, старалась «не замечать» подобного рода выходов.

Но студенты собирались на вечеринках не только (и не столько) ради политического самовыражения, а для развлечений. Естественно, что главным номером вечеринок оставались танцы. Иногда даже вспыхивали конфликты между теми участниками, которые желали танцевать, и теми, кто пришел дискутировать на политические темы. Как правило, последние уединялись в «мертвецкой».

Танцы давали возможность студентам побыть в женском обществе, в котором они нуждались и которого в повседневной жизни были лишены. Танцевали под аккомпанемент пианино или (правда, редко) духового оркестра. Танцевали все — падекатр, шоконь, падеспань, краковяк, падезефир, вальс, полонез; а также национальные танцы — чардаш, коханочку, лезгинку и проч. Но танцевали, конечно, плохо, непрофессионально. «... Танцевать с девушками я не умел, потому что никто меня не учил», — так вспоминал один из студентов [12. С. 69].

В России до начала XX в. не было единого студенческого праздника. Каждое из высших учебных заведений только раз в году отмечало день, когда студенты и профессура демонстрировали свое корпоративное единство. Даты этого праздничного дня определялись календарным числом и годом подписания устава вуза, то есть в день его основания, а также в день святого покровителя или святой покровительницы.

Самый известный студенческий праздник — 12 января (день великомученицы святой Татьяны) именно по случаю подписания императрицей Елизаветой Петровной указа об открытии Московского университета. И судя по многочисленным свидетельствам, особенно широко, с размахом и бесшабашно праздновали «Татьянин день» студенты и выпускники Московского университета.

Центром притяжения для праздновавших долгие годы оставался самый роскошный ресторан в Москве — «Эрмитаж». Его хозяин отдавал в это день свое заведение под студенческий разгул. Правда, московское студенчество не ограничивалось в этот день только «Эрмитажем», отсюда отправлялись в Стрельну, затем в «Яр», где гуляние продолжалось с новой силой. Справедливости ради надо сказать, что уже на следующий день большинство студентов вновь занимали свои места в университетских аудиториях.

По похожему сценарию каждое 8 февраля протекал ежегодный праздник и в Петербургском университете: большинство студентов веселилось в заведениях ресторанного типа, правда с «соблюдением» социальной и материальной градации: студенческая аристократия — в самых фешенебельных, малообеспеченные — в дешевых пивных, ресторанах и кофейнях. Но все вместе потом гуляли по центральным улицам, оглашая их традиционными студенческими песнями. Полиция никого не останавливала и даже помогала добраться до дома тем, кто уже не мог сделать это самостоятельно.

Подобно университетскому, годичный акт устраивался и на негосударственных Высших женских (Бестужевских) курсах — каждое 20 ноября, в Петербургском горном институте — 5 декабря (в день покровительницы горняков святой Варвары).

Годичные акты собирали не только тех, кто продолжал учиться в вузах, но и тех, кто закончил университет или институт год, два, три назад. Уже получив признание, инженеры, врачи, педагоги, ученые вновь и вновь традиционно собирались в стенах «альма матер»,

демонстрируя причастность к студенческому братству. И в этом — сила, казалось бы, частной формы досуга.

Студент начала XX в. [16]

Для студентов «годовой праздник» родного высшего учебного заведения был днем абсолютной свободы от каждодневного вузовского распорядка, обязательств перед университетской администрацией, от неустроенного быта. Именно в этот день студенчеству были позволены разгул и публичное свободомыслие, выражаемое в необузданном веселье [14. Л. 1–10]. Даже самый увлеченный учебой студент в этот день превращался в обыкновенного человека, в того, кому не чужды все радости жизни. Досуг, его различные формы способствовали развитию в студенческой среде духа коллективизма, поддержки друг друга, уважения интересов и готовности прийти на помощь менее обеспеченным или пострадавшим от произвола ряда нерадивых представителей университетской администрации. С другой стороны, та же администрация поощряла и не препятствовала

ла развитию большинства форм студенческого досуга, справедливо полагая, что развлечения отвлекают учащуюся молодежь от увлечения

политикой, не дают возможность различным политическим силам втягивать их в сферы своей деятельности.

Литература

1. Вересаев В. Воспоминания. М.: Правда, 1982.
2. Грюнвальд К. Воспоминания белоподкладочника//Памяти русского студенчества. Париж: YMKA-PRESS, 1934.
3. Дневник Елизаветы Дьяконовой. На высших женских курсах (1895-1899) СПб.: В.М. Саблин, 1905.
4. Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М.: Наука, 1990.
5. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2011.
6. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004.
7. Иванов П. Студенчество в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М.: Б. и., 1903.
8. Каргин А.С., Хренов Н.А. Функциональный аспект досуга в истории цивилизации//Традиционные формы досуга: история и современность. М.: ГРЦРФ, 1993.
9. Курбский В. Очерки студенческой жизни. Из дневника бывшего студента. М.: Б. и., 1912.
10. Лель А. Записки студента. 1900–1903. СПб.: Тип.М. М. Стасюлевича, 1908.
11. Матвеев А. Мертвецкая (Из студенческих воспоминаний)//Памяти русского студенчества. Париж: YMKA-PRESS, 1934.
12. Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М.: Госиздат, 1943.
13. Паскаль Б. Мысли. Лабрийер Ж. де. Характеры (Серия: Библиотека всемирной литературы). М.: Художественная литература, 1974.
14. Центральный государственный архив Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5449.
15. Аманжолова Д.А. «Горячо живу и чувствую...». Петр Гермогенович Смидович — дворянин и революционер. М.: ОАО «Московские учебники и картолиитография», 2006. — 224 с.
16. <http://images.yandex.ru/yandsearch?ed=1&text> (дата обращения: 19.07.2011).